

Прежде чем спать, ты двери сочти,
Хоть девять, хоть восемь, хоть тридцать их три.
Запомни науку, дитя, наперед:
Выжить поможет простой устный счет.

Поверь скорей, мой милый друг, и в школе подтвердят —
Порою взрослые не лгут, когда тебе твердят:
Вся жизнь зависит от того, сколь будет дважды два.
И это (я тебе клянусь!) не праздные слова.

Пустых молитв не произноси — их шепот как зов в темноте.
Хоть раз позабудешь науку мою, и быть непременно беде.
О, скольких напастей, тревог и невзгод удастся тебе избежать,
Но только, дружок, если ты... прекрасно умеешь считать!

вперед, среди недвижимых остроко-
нечных волн, виднелась железная спина кита-ангара.
Воздух дрожал над металлической тушей, и в этом ма-
реве, совершенно не замечая жары, стоял светловолосый
мальчик. В глаза бросалась его футболка дикой пятнистой
расцветки. Будто на белую ткань выплеснули все пузырь-
ки с краской, что имелись под рукой, немного поводили
кисточкой, дали хорошенько просохнуть и теперь с гор-
достью носили, являя миру нечто вроде клякс, созданных
одним знаменитым швейцарским психиатром — толь-
ко чересчур разноцветных.

Стиснутый со всех сторон пустыми складами, весь
в стигмах ржавчины и с огромным замком на двери,
ангар меньше всего годился для прогулок. Кое-где желе-
зо совсем проржавело — один неосторожный шаг, и не-
избежно провалишься. А там, как повезет, бетонный пол
или старый грузовик примут тебя в свои объятия.

Он смотрел на мальчика, мальчик смотрел на него.

Пятна расплывались в беспокойном знойном мареве и вроде как двигались. Он прошел немало тестов, но что сулит это движение, сказать бы не взялся.

Мальчика звали ||||| ||||| |||||. Кто ж знал, что у него есть чертовски охрененная футболка?

Внезапный порыв ветра разорвал сонное оцепенение. Ударил в глаза пылью, точно морскими брызгами, всколыхнул недвижные кроны тополей на другой стороне улицы. Пестрая футболка затрепетала, как парус. Захлопало белье на веревках. Еще немного, и кит с мальчиком на спине, раздвигая скрипучие доски крыш, устремится к шоссе, прочь из города, чтобы влиться в поток машин — отсюда просто расплавленный солнцем ручеек стекла и хрома, — и отправится дальше на юг, к синееющим на горизонте холмам.

Он уже хотел крикнуть, чтобы мальчик спускался и проваливал куда подальше, пока цел, когда паренек и в самом деле того, провалился. На спине «кита» образовалась дыра с рваными краями, внутри которой во-зились, чертыхались и звали на помощь.

Он не стал подходить слишком близко, остался на крыше склада. Оттуда, словно тонущему, бросил конец веревки. ||||| ||||| ||||| ухватился за него, пусть и не с первого раза. Его словно что-то держало там, внизу, не давая выбраться. Но вот из дыры показались кляксы, потом, отфыркиваясь и отряхиваясь, вылезло все остальное. Спустя пару минут паренек стоял перед ним, обняв себя за худые плечи, и только икал, словно и впрямь нагло-тался морской воды.

— Дай руки посмотрю.

||||| ||||| ||||| послушно вытянул белые грабли. Ну как белые... С локтя вон клочок кожи свисает, словно на ни-

точке, исполосовано все, кровит и в грязище — где он нашел ее столько?! Мальчонка пару раз всхлипнул, но обошлось без сырости.

Он порылся в рюкзаке, достал йод, бинты, бутылку с водой. Стер грязь, обработал порезы. ||| только хлопал белесыми ресницами и терпел. Даже когда он закончил и сложил вещи в рюкзак, не проронил ни слова. Он помог пареньку спуститься и уже полез обратно, когда тот обрел дар речи.

— Там дом, — сказал |||.

Постоял немного, словно хотел добавить еще что-то, но так и не решился. Отвернулся и зашагал прочь. Скоро он скрылся за углом почты — мальчик с разноцветными кляксами и белоснежными марлевыми рукавами.

Осторожно, шаг за шагом, он приблизился к дыре. Идти пришлось зигзагом, обходя опасные места, изъеденные ржавчиной. Солнце пекло, а ведь нет и десяти. Что будет к полудню? Спина взмокла, футболка прилипла к коже. А все рюкзак. Но без него далеко не уйдешь.

Он заглянул в дыру. Внизу в самом деле был дом. Он увидел сложенную из красного кирпича печную трубу и покаты́й бок крыши. Словно кит проглотил коттедж. Он постоял, коснулся раскаленного железа ангара. Все казалось нереальным — и ангар, и |||, даже он сам словно превратился в призрак, который был способен только потеть. Ну и дом, конечно. Особенно дом.

Свет лился сквозь дыру, но края крыши тонули в темноте. Он включил фонарик. Луч наткнулся на ржавый флюгер. Стрела указывала на север. Он заглянул в печную трубу и увидел железные скобы. По ним можно было забраться внутрь, как делал один фольклорный персонаж. Только подарков нет. Но сначала стоит поискать дверь.

Он скинул рюкзак, достал веревку. Обвязал веревкой трубу и стал спускаться. Было душно и пыльно. Еще немного, и его ноги коснулись бетонного пола. Луч фонарика выхватил из темноты номер: 14. И название улицы: Зеленая. Был даже водосток. Не было только дверей. Ни одной.

Он провел ладонью по шершавым доскам. Дом был красный. Аккуратное крылечко с тремя ступенями, которые вели к глухой стене. Окон тоже не нашлось. Дом казался слепым и мертвым. Он заметил провода, что паучьими нитями уходили в черноту. Больше в ангаре не было ничего.

Он вскарабкался на крышу, заглянул в дымоход. Скобы казались прочными. Он встал на одну, держась за края трубы. Скоба держала. Тогда он начал спускаться.

Он исходил почти три десятка чердаков, но все, что удалось найти, это самодельный алтарь, сложенный из пивных банок и голубиных костей. Кто-то оставил на алтаредохлую крысу и губную гармошку.

В другой день он наткнулся на удушенника. Кто знает, сколько он там провисел. И вот теперь дом. Третья говорила, что не стоит гоняться за химерами. Все ответы в голове, и следует только подобрать ключ. Не стоит доверять снам — неизвестно, куда они могут завести.

Интересно, что она скажет теперь?

Было темно и тесно. Фонарик лежал в рюкзаке, а рюкзак он держал в зубах — иначе было не протиснуться. Еще немного, и он выбрался из камина. Первым, что он увидел, был круглый стол, за которым сидели дети. На белой скатерти керосиновая лампа. Свет лампы превратил детей в деревянных кукол. Они напомнили ему того

висельника. Дети смотрели, не мигая, а потом один, с черными как смоль волосами, сказал:

— Ты принес железную дорогу?

На столе лежала книжка, про ведьму из пряничного домика. Ведьма сажала детей в клетку и кормила сладостями, чтобы те как следует разжирили, а потом запекала в печи.

Он сразу вспомнил о похищениях. О странных объявлениях в газетах. О разговорах о том, что дети терялись в собственных домах. Месяц всем городом искали девочку, которая, по словам матери, не покидала детскую.

Дети поднялись со своих мест. В углу что-то завозилось, зашелестело, но потом все смолкло. Дети окружили его. Они были бледные и выглядели болезненно. Сколько времени они провели в этом доме? И где ведьма?

У одной девочки в переднем кармане платья была фляжка. На левой руке компас вместо часов.

Еще он заметил ключи. У девочки, что держала в руке комок фантиков, на шее висел хрупкий серебряный ключик. У той, с компасом, тоже был ключ. Медный и начищенный до блеска. А еще повязка на левой руке.

— Так что ты принес нам? — спросила Девочка-с-фантиками. — У меня кончились раскраски. И конфеты.

— Всегда ты про конфеты, — сказала Девочка-с-фляжкой. — От сладкого зубы гниют.

Дети теснее обступили его и засыпали вопросами. На ум пришел «Повелитель мух». Только остров сжался до размеров дома, и бежать некуда. И нет головы свиньи на палке.

Он растегнул рюкзак. Может, что-нибудь и сойдется. Он брал только необходимое. Лекарства. Запасные

батарейки. Нож. Еще — жестяная банка, для барахла с чердаков. На полу, под тем удавленником, распустился необычный цветок. Он сорвал его и положил между страниц книги. Книга называлась «Шахматный мальчик».

В книге шла речь о шахматных автоматах, механических куклах, которые умели играть в шахматы. Все они были фальшивками, внутри которых сидел человек — ребенок или карлик — он и двигал фигуры. В главе «Шахматный мальчик» рассказывалась история о парне, который мог бы стать шахматным гением, но вместо этого оказался в ящике размером метр на полтора, где провел всю свою жизнь.

Еще — самодельный кастет. Ничего такого, что заинтересует детей. Разве что...

— Вот, держи, — он достал из жестянки со всякой всячиной губную гармошку.

Девочка взяла ее и протянула фантик. Обмен. Он, не глядя, сунул фантик в карман.

— Можешь передать, что у нас все в порядке, — сказал бледный тощий парень, смахивавший на поганку. Ключ носил и он — захватанный пальцами и отмеченный ржавчиной. — И нечего так часто лазить сюда. Я не хочу снова переезжать.

Ему оставалось только кивнуть.

— Что это у тебя? — спросил Поганка. — Хлоргексидин? В самый раз, у нас почти кончился. Бинты и остальное тоже давай. Явился, глазами хлопает, все выпрашивать приходится, — ворчал Поганка.

— Как тебя зовут? — спросила Девочка-с-фантиками.

Знакомиться было сложнее всего. Вместо имен — провал, сплошная чернота. Вот так: ||||| ||||| |||||. Он даже не мог

прочитать имя с листа бумаги. И, разумеется, понятия не имел, как зовут его самого. Всегда приходилось отмалчиваться, словно не расслышал вопроса. Но Девочка-с-фантиками была до ужаса приставуча. Здорово помогали прозвища, но такое мало кому приходилось по нраву. В свою первую зиму в интернате он назвал Дохлаком и схлопотал в челюсть. Хорошо, удар был несильный.

Пришлось выдать из себя нечто невразумительное, больше похожее на марку стирального порошка.

— Пора на Обход, — сказала Девочка-с-фантиками. — Хочешь с нами?

Поганка взял со стола керосиновую лампу и двинулся в темноту дома. Остальные потянулись следом. Только в углу опять что-то заворчалось, потом щелкнуло, и наступила тишина.

Дверей в доме не было. Только ширмы. Они отделяли кровати, отчего дом напоминал больничную палату. Разве что стоек с капельницами не было. Над каждой кроватью — светильник. Он словно рос из стены, подобно еще одному цветку.

Телевизор с видаком и кучей кассет. Еще в доме номер четырнадцать на Зеленой улице были душ, раковина и туалет — тоже разделенные ширмами, и никаких тебе дверей.

— Что мы делаем? — спросил он Девочку-с-фантиками.

— Считаем двери.

— Но здесь нет дверей.

— Вот именно! Здорово, правда?

Они обошли весь дом и вернулись в большую комнату. После чего Поганка включил свет.

Он заметил на полу фантики. Они вытянулись в ровную цепочку. Он понял, зачем это. Все как в книге о ведьме из пряничного домика. Только там дети кидали на тропинку сначала камешки, а потом хлеб.

В углу стоял приличных размеров сундук или ящик, черт его разберет. Крышка была откинута, и оттуда выглядывал еще один ребенок. Девочка в полосатом платье и с улыбкой до ушей.

Ему не понравилось это место. Если дети пленники, почему нет ни дверей, ни, что важнее, — замков? Если детей похитили, зачем оставлять лаз открытым? Они могли выбраться в любую минуту. Позвать на помощь. И они совсем не напуганы. Кроме той, в сундуке. Ее он прозвал Улитка.

— Можешь вылезать, — сказал Поганка. — Все кончилось.

Он еще раз осмотрелся. Детей он видел. Где же ведьма?

Из ящика вылезла худенькая девочка в длинном платье. Он заметил, что стенки ящика обклеены рисунками, а на шее Улитки тоже болтается ключ на цепочке.

Сверху донесся стук. Он оглянулся на зев камина. Сунул руку в карман, нащупал кастет. Кастет он сделал сам, набрав свинцовых аккумуляторных пластин, после того как четверо бывших интернатовских приятелей избили его и бросили на игровой площадке едва живого.

Девочка-с-фантиками подошла к Поганке и стала просить его сделать перевязку. Он сказал, что не прошло еще и часа, но она так просила, что пришлось уступить.

— Тогда и мне, — сказала Девочка-с-фляжкой.

Улитка пропищала, что тоже хочет перевязку.

Поганка положил на стол докторский саквояж. Раскрыл. Девочка-с-фантиками уже разматывала бинт. Он только сейчас заметил, что у каждого перевязана ладонь, шея или предплечье.

Поганка достал из шкафа склянку с прозрачной жидкостью. Дети выстроились в очередь. Поганка осторожно макал ватную палочку в раствор и экономно мазал болячки. Язвы напоминали формой замочные скважины и сочились черной, похожей на гной жидкостью.

Поганка заметил его удивление.

— Эй, — сказал вдруг Поганка. — Постой. Кто тебя прислал? Нам говорили, что до вечера никого не будет. Как там тебя зовут?

Он, не раздумывая, бросился к камину, не забыв про рюкзак. Отовсюду к нему потянулись тонкие руки с черными отметинами.

— Он не из наших! — крикнул Поганка. — Не дайте ему сбежать!

Он обернулся — всего на секунду — и увидел детей, которые ползли следом. Он с трудом протискивался вперед, держа путь наверх, к провалу в крыше, к солнцу, ветру и удушающей жаре, которой теперь был так рад.

Когда он вылез из трубы, посмотрел вниз. Он ожидал увидеть, как оттуда лезут дети с язвами на руках и ключами на шее, но увидел только темноту. За ним никто не гнался. И на крыше ангара никого не было. Он сунул руку в карман, проверить, не выронил ли кастет, но вместо кастета пальцы нащупали кое-что другое. Он извлек мягкий фантик, на котором значилось: «Дом 14, Зеленая улица». Тот самый дом внутри огромного ангара. Он, щурясь, глядел на солнце. И что теперь?

В хорошие времена Развалину окружал сад. Теперь сада не было, вместо него — прямоугольник идеально скошенной травы, огороженной железной сеткой. Снаружи Развалина походила на церковь. Острые фронтоны, на каждом флюгер, вроде креста. Огромные окна. Зато внутри царили разруха и запустение. Обои, отстающие от стен, истертые полы, скрипучие лестницы с расшатанными перилами.

Внутри Развалина казалась ветхой. Сотрясаемая порывами ветра, дребезжащая всеми окнами, когда лил дождь, скрипящая многими дверями — постоянно, она целиком и полностью была верна своему прозванию.

Но снаружи здание было другим. Развалина казалась высеченной из камня, может быть из целого утеса. Она выглядела прочной, незыблемой и вечной, окруженная железной сеткой, лужайкой и нелепыми слухами.

Развалина заключала в себе болезненный, бледно-тревожный мир, неспособный породить ничего нормального — все как с настоящим камнем: если его перевернуть, то увидишь, что под ним ничего не растет, только белесая трава и земля, в которой копошатся мокрицы и личинки жуков.

Самое дешевое жилье в городе. Каким еще оно могло быть? Когда он встречал соседей, они тотчас ускоряли шаг и стремились побыстрее скрыться в своих убогих квартирках. За годы, что он прожил в Развалине, он не смог свести ни с кем даже шапчного знакомства. Жильцы избегали смотреть ему в глаза, и ответом на приветствие всегда была тишина.

Развалина со всеми ее жителями считалась необитаемым островом, оторванным от остального мира. Здание

планировали снести, но у городской администрации все не доходило руки. Здесь он и поселился с ||||| . Денег на другое жилье не было.

Сестра обижалась, что он никак не может выдумать ей кличку и все зовет «сестра» или «сестренка».

— Придумай, черт возьми, мне какое-нибудь классное прозвище! Например, там, Бритва, Акула-убийца, Бестия, Мисс Очаровательные Сиськи или Та-что-работает-по-шестнадцать-часов-в-день-и-никак-не-может-выспаться.

Она забрала его из приюта год назад. Было много бумажной возни, но Мисс Очаровательные Сиськи сражалась до последнего и добилась, чтобы ей доверили опеку. И почти сразу они перебрались из уютной, но совсем крошечной квартиры на окраину города.

||||| приходилась ему двоюродной сестрой. Когда она уехала с родителями в другой город, ей едва исполнилось девять. Ему — четыре. После долгой разлуки ||||| взбрело в голову найти родных. Нашелся только он. ||||| был нужен ребенок, который знает сто два знака после запятой числа пи. Выбор был не велик.

Что случилось с его отцом и матерью, он не знал. Все его близкие — двоюродная сестра. Родителей сестры, которые в свое время отказались принимать его в семью, в расчет можно было не брать.

||||| вставала ни свет ни заря и тащила через весь город на работу. Являлась она только к вечеру, смертельно уставшая. Он готовил еду и делал все, что было в его силах.

Сестра мечтала, что он станет знаменитым на весь мир человеком — ученым, доктором каких-нибудь

наук, и тогда прощай замороженная еда и полуфабрикаты. Она была единственной, кто верил в него, черт ее знает почему.

Он сидел в классе и маялся от жары. Класс был коррекционным. Туда директриса и педагоги ссылали совсем безнадежных учеников.

Вроде него.

На окнах густая сетка. Сегодня погожий денек, и у всех словно соты на лицах. Пугало бубнил себе под нос и водил мелом по доске. Ему было безразлично, слушают его или нет. Пугалом Пугало звал не только он, а вся школа. Одежда, которую носил Пугало, всегда оказывалась ему либо велика и болталась как на швабре, либо мала: из рукавов рубашки торчали длинные тощие руки, воротник намертво сдавливал шею. Как если бы у Пугала не было своей одежды и он донашивал какую придется.

Он думал о них всю неделю. О детях из Дома-бездверей. Спустившись с ангара на землю, он явился в отделение и рассказал о доме номер четырнадцать.

Когда детей освободили, журналисты набросились на него с вопросами, точно свора бешеных псов. Его фото даже напечатали в газете. Будто целой книги было мало.

Непросто завести друзей, когда ты постоянно оказываешься в центре внимания. Люди начинают думать, что ты слишком высокого мнения о себе.

Полиция забрала Улитку и всех остальных из Дома-бездверей и отправила в социально-реабилитационный центр, где было полно этих самых дверей и еще больше

замков. Дети пропадали и раньше. Их искали. Привлекали полицию с собаками и волонтеров с листовками.

Дети пробыли в центре несколько дней. Все это время они не уставали повторять, что жили в доме номер четырнадцать на Зеленой улице. Их поселили в одну комнату. Даже вернули Улитке ее ящик — только тогда истории прекратились.

Улитка и остальные не любили выходить из комнаты. Нужно, чтобы кто-то непременно шел впереди и открывал двери. Всякий раз, как надо идти на обед, ужин или в уборную, кто-нибудь из воспитателей превращался в швейцара. Это он узнал от Третьей.

Он перевел взгляд на доску. Пугало все бубнил. Вот ведь какая штука, учителей всегда интересуют имена. Например, имя человека, который изобрел паровой котел. Он мог бы рассказать о принципах работы котла, нарисовать его, если надо, но учителей интересовало лишь имя. Остальное оставим на потом. С литературой было сложнее всего. Имена героев, имена писателей, имена критиков и черт знает кого еще. Нет предмета кошмарней.

Он встал и пошел к двери. Пугало осоловело моргал ему вслед. Ученики не подняли голов. Он вышел в прохладный коридор и стал подниматься на второй этаж.

Третья ела яблоко и что-то писала в блокноте.

— На сегодня отучился? — спросила она с набитым ртом.

— Может, начнем с того места, где остановились в прошлый раз?

Ему нравилась Третья — потому что она правда хотела помочь, а не опубликовать очередную статью в научном журнале. Какой, интересно, окажется Четвертая?